

ПЕРЕВОДЫ РОМАНА ЧЕВЕНГУР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ИРРЕАЛЬНО-РЕАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

РОБЕРТ ХОДЕЛЬ

Одной из главных составляющих романа Чевенгур является художественно созданный мир, который воспринимается читателем как эпически-ирреальное, сомнамбулическое пространство. Вместе с тем в этом пространстве присутствуют факты и реалии русско-советской жизни, которые это пространство отчасти конкретизируют и мешают его полной метафоризации.

Однако в рассматриваемых нами переводах романа Чевенгур интенсивность интерференции между реальным и символическим пространством уменьшается в сторону традиционного реалистического повествования.

В нашей работе мы будем обсуждать два явления, способствующие этим изменениям. Это, во-первых, аукториализация персонального повествования,¹ т. е. приспособление субъективных элементов в речи повествователя к авторской речи, и во-вторых, конкретизация или сингуляризация действия. Мы рассматриваем переводы в качестве реализованных интерпретаций и не пытаемся критиковать качество этих переводов как таковые.

1. Аукториализация персонального повествования

Степень утверждения реальности мира, т. е. то, что считается реальным в тексте, зависит от точки зрения, с которой передается сообщение. Она тесно связана с текстовыми инстанциями: автор, повествователь и герой. Поскольку в произведениях Платонова чрезвычайно трудно отделить одну из этих инстанций от другой, в его текстах этой определенной точки зрения, с которой можно было бы различить разные степени утверждения реальности, не существует. В романе *Чевенгур*, “объединенность интонации автора и героя” (Корчагина 1970: 107) можно истолковать как нарративное осуществление утопического социалистического сообщества: даже автор-повествователь не выделяется среди своих героев. В каждом из героев он стремится, как и Александр Дванов, найти доступ к общей правде.²

Такое радикально объективное, чеховское повествование достигается Платоновым главным образом через расширение приемов несобственно-прямой речи. Так, например, персональное повествование включает и слова автора, дополняющие прямую речь, чего до Платонова даже в сказе не было.³ Главным приемом объективизации является характерное для Платонова незначительное, но тем не менее заметное отклонение от литературной речи. В итоге, почти каждое слово в тексте воспринимается читателем условно, с точки зрения какого-то персонажа. Отсюда представление о том, что диегетические структуры повествования переходят полностью в миметические.

Реалии русско-советской жизни и средства выражения русского языка нередко мешают адекватному переводу, снижая интерференцию между авторской речью и речью героя.

Так, например, апокалиптическая формулировка “Выйдя на конец Чевенгуря, семеро товарищей легли на степь” (Платонов 1988: 423) имеет, очевидно, вполне реальное основание.⁴ Приведем весьма типичный для постреволюционной эпохи табель переименований частей села “Старое Уколово” в южном Коротоянском уезде Воронежской губернии. Мы цитируем из диссертации Гринковой *Воронежские диалекты* (1947: 188-189):

Новые названия частей села	Старые названия частей села
на 1-й бригаде	на заречке
на 2-й бригаде	на канцу
на 3-й бригаде	на середине
на 4-й бригаде	на середине
на 5-й бригаде	на цапине

Среди свойств русского языка для данной тематики важнее всего то, что при переводе прямой речи в косвенную в сказуемом сохраняются и форма времени и наклонение. Косвенная речь в русском языке, по сравнению с французским и немецким, значительно ближе к прямой речи. Грамматические условия несобственно-прямой речи, следовательно, резко отличаются.

прямая речь	Он спросил: “Куда ведет эта дорога?”	Er fragte: “Wohin führt dieser Weg?”	Il demanda: “Où va ce chemin?”
косвенная р.	Он спросил, куда ведет эта дорога?	Er fragte, wohin dieser Weg führe. (изменение наклонения и порядка слов)	Il demanda, où allait ce chemin. (изменение времени)
несобст.-прямая р.	Куда ведет эта дорога?	Wohin führte dieser Weg?	Où allait ce chemin?

Однако, в переводах романа *Чевенгур* языковые расхождения отнюдь не всегда служат причиной аукториализации персонального повествования. Очень часто нарушения привычных категорий, способствующие персонализации речи повествователя, происходят на уровне мысли, т. е. независимо от специфики конкретного языка.

Такой прием – ненормативное повторение собственных имен. Приведем два отрывка из романа, переводы которых существенно отличаются от оригинала:

<p>Яков Титыч по- дошел послу- шать; все погля- дели на него и рассеянно замол- чали, чтобы не обидеть Якова Титыча, – всем показалось, что Яков Титыч мог обидеться, раз го- ворили без него. Яков Титыч по- стоял-постоял и сказал: [...] (c.473).</p>	<p>Jakow Titytsch kam heran, um zuzuhören; alle blickten ihn an und schwiegen zerstreut, um <i>ihn</i> nicht zu kränken; sie hatten das Gefühl, er könnte gekränkt sein, weil sie sich ohne ihn unterhalten hatten. Jakow Titytsch stand eine Weile und sagte: [...] (Platonow 1990: 382; Landa)</p>	<p>Jakow Titycz zbliżył się, by posłuchać. Wszyscy spojrzeli na niego i mimo woli zaśmilkli, żeby się nie obraził. Wydało się im, że stary może się obrazić, skoro rozmawiają bez niego. Jakow Titycz postał chwilę i powiedział: [...] (Platonow 1996: 278; Maślarz/Szymak-Reiferowa)</p>	<p>Yakov Titych came over to listen. Everyone looked at him and absent-mindedly fell silent in order not to offend Yakov Titych. It seemed to all of them that Yakov Titych might get offended since they were talking without him. Yakov Titych stood about a long while and then said: [...] (Platonov 1978: 261; Olcott)</p>
	<p>обратный перево- д на</p>	<p>русский язык</p>	

В немецком и польском переводах, в отличие от английского,⁵ имя героя два раза заменяется местоимением или другим существительным. Таким образом, не только достигается более “литературный” вариант, но и высказывание полностью переходит в авторскую речь, т. е. объективный стиль заменяется на нейтральный.

В оригиналe, при втором повторении имени-отчества вводится персональная точка зрения. Она принадлежит окружающей героя среде, которая видит в Якове Титыче представителя пролетариата, нового господствующего в мире класса. Яков Титыч – своего рода “Ваше Величество”. Неизменяемость имени, незаменяемость его местоимением говорит о чем-то возвышенном и единственном.

Кроме того, устойчивое повторение имени ведет к партикуляризации предложений. Эти обособленные единицы высказывания являются иконичным знаком, выражающим как оторванность героя, так и его телеологическое восприятие мира (ср. Locher 1983).

Выюгин (1995) в обсуждении рукописи ‘Строители страны’ неоднократно указывает на то, что некоторые языковые нарушения объясняются необычным рождением романа, которое происходит в результате сочетания отдельно концептированных частей. Мнение этого исследователя подтверждает следующий отрывок из фрагмента ‘Новохоперск’:

Его медленное размышление помогло ему в тот час – он испугался уйти со своего паровоза, потому что его бы застрелил политком или исключили бы потом из партии. Кроме того, Захар Павлович, тем более отец Дванова, никогда не оставили бы горячий целый паровоз погибать без машиниста, и это тоже помнил Александр. (248)

В центре внимания здесь – повествователь. Об этом свидетельствует в первую очередь обстоятельство времени “в тот час”: На основе дейктики ‘Происхождения мастера’ оно говорит о сознании, которое представляет происходящее как действие в прошлом (Handlungsvergangenheit). А поскольку в тексте нет указания, что Саша воспринимает езду на поезде домой ретроспективно, это сознание не может принадлежать герою. Перед нами всезнающий повествователь, резко отличающийся от повествователя ‘Происхождения мастера’.

Ланда (84) переводит последовательно: “in dieser Stunde” (в этот час). Имплицитная временная дистанция в результате отступает на второй план. А поскольку действие происходит в настоящем (Handlungsgegenwart), Ланда переносит и слегка маркированную номинальную фразу “отец Дванова” в область сознания героя:

Ausserdem hätte Sachar Pawlowitsch und erst recht sein Vater niemals eine heiße heile Lokomotive ohne Lokführer zugrunde gehen lassen, und auch daran musste Dwanow denken. (84; кроме того, Захар Павлович, тем более его отец, никогда не...)

Можно предполагать, что в первоначальном варианте, который был написан еще от первого лица, присутствовали слова “отец мой”, или просто “отец”. И лишь с учетом этого первоначального, автобиографического варианта становится понятно, почему Дванов упоминает своего отца в варианте окончательном. Ведь в отличие от отца Дванова-рыбака, отец Платонова работал на железной дороге.

2. Конкретизация действия

С точки зрения развития платоновского творчества “условное” авторское слово можно понимать как своеобразный синтез публицистики и фикции. В ранних рассказах ‘В звездной пустыне’ (Платонов 1921), ‘Тютень, Витютень и Протегален’ (Платонов 1922) или ‘Рассказ о многих интересных вещах’ (Платонов 1923) преобладает несколько нелепое сосуществование диегетического и миметического планов. Например, в рассказе ‘В звездной пустыне’ оно проявляется в чередовании повествования от третьего лица в прошлом времени с повествованием от первого лица множественного числа в “гномическом” настоящем (несобственно настоящем). В этом случае рассказу свойственна конкуренция между актуальными, эпизодическими действиями и изложениями с “вневременным”, генеричным содержанием.⁶

В произведениях второй половины 20-х годов сочетание подражания конкретной действительности, с одной стороны, и пронизывания действительности обобщающим философским мышлением с другой, сохраняется, но грани между миметическим и диегетическим планами все больше стираются. Обнаруживается другой аспект платоновской утопии. Нет изображения действительности, существующей отдельно от человеческого сознания. Любое слово функционально в прямом смысле: даже там, где выступают герои с отвлеченным и отдаленным мировосприятием, автор говорит о своих преоккупациях. Как будто претерпит его повествования превращается в ирреалис или потенциалис, в модус философских обсуждений. Как будто его “было” обозначает в то же время “предположим, что...”. Второе лицо его фикции – чистый диегесис.⁷ Поэтому Платон, образно говоря, сначала приветствовал бы Платонова в своем государстве,⁸ чтобы снова его выкинуть вон в качестве самозабвенного подражателя чудаков. Другими словами, и представление о радикализации чеховского объективного стиля и утверждение о преобладании писательского взгляда над предметно-изобразительной стороной охватывают лишь один из аспектов платоновской поэтики.

Почти незаметное сочетание эпизодических и генеричных структур можно обнаружить на самых разных уровнях и в романе *Чевенгур*. На уровне макротекста оно концентрируется в постановке вопроса об утопическом характере произведения. (Если Платонов написал утопию, тогда *Чевенгур* входит в число не художественных произведений, а политически-философских моделей.)

Мы здесь ограничимся – на уровне микротекста – указанием на временные отношения в самом начале произведения.⁹ В качестве сравнения приведем нужные места в сопоставлении с разными переводами и к тому же с началами произведений *Анна Каренина* и *Повесть о Горе и Злочастии*.

Есть ветхие опушки у старых провинциальных городов. Туда люди приходят жить прямо из природы. Появляется человек – с зорким и до грусти изможденным лицом, который все может починить и оборудовать, но сам прожил жизнь необорудованно. (с. 188)	Alte Provinzstädte grenzen an schüttere Waldränder. Dorthin kommen Menschen direkt aus der Natur, um zu leben. Da kam so ein Mann mit wachem und traurig abgezehrtem Gesicht, der konnte alles ausbessern und einrichten, doch er selbst lebte sein Leben lang uneingerichtet.	(Platonow 1990: 5; Landa)	Stará provinční města mívají chatrné okraje. Lidé tam přicházejí žít rovnou z přírody. Objevil se tam muž s bystrou, ale smutkem strhanou tváří, který dokázal kdeco spravit a seřít, jen vlastní život ne. (A. Platonov. Čevengur. Rukopis. Přeložila Anna Nováková) ¹⁰	There are fringes of decay around old provincial towns. People come here to live straight out of nature. One such man appeared, his piercing face exhausted to the point of melancholy. He was able to fix or equip any manner of thing, but himself lived unequipped. (Platonov 1978: 3; Olcott)
---	--	---------------------------	---	---

обратный перевод:	Старые провинциальные города примыкают к жидким опушкам леса. Туда люди приходят прямо с [из] природы, чтобы жить. Пришел мужчина с живым и грустно изможденным лицом, который все мог починить и устроить, но сам всю свою жизнь жил неустроенно.	У старых провинциальных городов бывают ветхие окраины. Люди туда приходят жить прямо с природы. Появился там мужчина с умным, но печально изможденным лицом, который умел все починить и наладить, но только не собственную жизнь.	Есть разрушенные окраины около провинциальных городов. Люди туда приходят жить прямо с природы. Появился один такой человек, его проницательное лицо изнурено до меланхолии. Он что-угодно умел починить и оборудовать, но сам жил необорудованно.
-------------------	--	--	--

Na krańcach starych prowincjonalnych miast bwyają nędzne sadyby. Ludzie osiedlają się tam przybywając wprost ze szczerego pola. Pojawia się taki człowiek z rozumną, pełną smutku, udręczoną twarzą, człowiek, który wszystko umie naprawić i urządzić, tylko własnego życia uładzić nie potrafił. (Platonow 1996: 5; Maślarz/ Szymak-Reiferowa)	Les vieilles villes de province ont des lisières délabrées. On voit s'y installer des gens tout droit sortis de la nature. Voici qu'apparaît un homme au visage incisif, émacié jusqu'à la tristesse, qui peut tout réparer, tout ajuster, mais dont la vie, jusqu'ici, fut mal ajustée. (Platonov 1996: 23; Martinez)	Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему. Все смешалось в доме Облонских. (Толстой 1985: 24)	Изволением господа бога и спаса нашего... А в начале века сего тленного / сотворил [бог] небо и землю, сотворил бог Адама и Евву... Ино зло племя человеческо, / в начале пошло непокорливо, / ко отцову учению зазорчиво... / И зато на них господь бог разгневался... / все смиряючи нас, наказуя / и приводя нас на спасенный путь. / Тако рождение человеческое
--	--	--	--

На границах старых провинциальных городов бывают бедные поселки. Люди селятся там, приезжая просто с поля. Появляется такой человек с умным, полным печали, удрученным лицом, который все может починить и наладить, но жизнь которого, до сих пор, плохо наладилась.	У старых провинциальных городов есть ветхие окраины. Там селятся люди, вышедшие прямо с природы. Вот появляется человек с проницательным, до грусти изможденным лицом, который все может починить и наладить, но жизнь которого, до сих пор, плохо наладилась.	
---	--	--

Первые два предложения романа Чевенгур содержат, по образцу начала Анны Карениной, обобщенную, генеричную информацию. Переводы в этом отношении следуют за оригиналом. Но уже перевод третьего предложения существенно отличается от русского текста. Ланда, Новакова, и Олкот переходят к претериту, и именно тогда безоговорочно начинается настоящее действие романа. Это решение подчеркивается конкретизацией появляющегося человека. Ланда и Новакова говорят о “мужчине”, Олкот и Машлаж/Шымак-Рейферова дополняют слегка маркированное существительное указательным местоимением. В оригинале, несомненно, также фоку-

от отца и от матери. Будет молодец уже в разуме, в беззлобии, и возлюбили его отец и мать, / учить его учили, наказывать, на добрыя дела наставлять: / “Милое ты наше чадо, / послушай учения родительского, ... / Не безчестуй... А знайся, чадо, с мудрыми / и [с] разумными во- дися, / и з други надежными дру- жися, которые бы тебе злу не до- ставили”.

Молодец был в то время се мал и глуп... / а хотел жити, как ему любо. / Наживал моло- дец пятьдесят рублев [...] (Повесть о горе и зла частии. 1984: 5-7)

сируется “человек” из массы “людей”, приходящих туда прямо “из природы”, но глагольная форма “появляется” оставляет нам возможность видеть в этом человеке не конкретную личность, а типовой характер – человека с таким лицом, который живет всю жизнь неуютно и бедно.¹¹ Такому чтению не препятствует перфективная форма “прожил”, ведь временной аспект глагола зависит от сказуемого главного предложения. Предшествующий процесс обозначен и в том, что главное действие – т. е. появление такого человека – повторяется. Интерпретации итеративности не противоречат также дальнейшие временные формы. За исключением перфективного глагола “сделал”,¹² который представляет собой аналогичный случай форме “прожил”, речь идет о глаголах несовершенного вида.

Основываясь исключительно на временных формах, мы приходим к выводу, что переход к изложению единичного происшествия осуществляется лишь при первом использовании указательного местоимения для выражения времени: “Но этот раз засуха *повторилась и в следующем году*” (189). По отношению к рукописному варианту в семейном архиве “Но в следующий год засуха повторилась” переход к актуальному, сингулярному происшествию еще более подчеркивается. Интересно и предшествующее обстоятельство времени, которое перекликается с формой несобственно настоящего: “Через четыре года в пятый село наполовину уходило в шахты и города, а наполовину в леса – бывал неурожай.” Речь идет о цикличном стихийном бедствии.

При таком чтении, однако, трудно понять, почему нам сообщается имя Захара Павловича. Ведь и церковный сторож безымянный персонаж. К тому же трудно представить себе, что прямая речь церковного сторожа на первой же странице представляет собой не конкретное событие, а повторяющуюся реплику.

Но несмотря на такие возражения остается факт, что переход от гномического настоящего к формам прошедшего времени осуществляется с помощью глагола, который не противоречит итеративным структурам: “Появляется человек [...] который прожил [...] жизнь [...]. Переход от генеричного плана к актуальному почти незамечен и как бы расплывчат. Трудно вообще установить, где обобщенный разговор о промежуточной зоне между природой и культурой заменяется описанием конкретного быта. Не случайно, что первые абзацы романа напоминают начало *Повести о Горе и Злочастии*. Тут также, в самом начале, по образцу десяти заповедей, идет речь о молодце как таковом и его повиновении родителям. И почти незаметно, этот молодец превращается в героя произведения, его действия становятся актуальными.

Но речь не только о начале романа. Присутствие таких, на первый взгляд второстепенных персонажей как Захар Павлович и церковный сторож, обрамляет все произведение. Как будто весь Чевенгур не единичное, актуальное происшествие, а гномическое, вневременное явление.

Актуальные и генеричные структуры у зрелого Платонова не чередуются, а создают одно целое. Мерцание ирреального в реальном пространстве непосредственно связано с тем, что подражание действительности оказывается и суждением о ней. Сравнение с разными переводами показывает, что при “литераризации” текста интенсивность интерференции миметического и диегетического планов уменьшается. К тому же, обсуждаемые нами приемы нарушения литературного языкового поведения говорят о том, что это не столько дело “русскости” платоновского языка, сколько его необычного образа мышления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В отличие от “субъективного повествования” (*subjektives Erzählen*), где субъективные элементы в речи повествователя приписываются рассказчику, понятие “персональное” (*personales Erzählen*) или “объективное” повествование обозначает, что субъективные элементы в речи повествователя приписываются персонажу.

² А. Дванов попытается войти в положение своего собеседника, “вообразить себе его телом и его жизнью, чтобы самому увидеть, почему по его будет верно” (Платонов 1988: 480).

³ Ср. следующие слова автора: “– Умру, ей-богу умру, Захар Палыч, – испугался солгать бобыль” (Платонов 1988: 191), “Сторож на эту глупость ответил: – Как так – зря?” (196).

⁴ Ср. также: “На конце села наступила ночь” (Платонов 1988: 282).

⁵ Французский и чешский переводы заменяют имя лишь один раз местоимением:

Iakov Titytch s'approcha pour écouter; tous le dévisagèrent et se turent, comme absents, afin de ne pas blesser Iakov Titytch – car tous eurent l'impression qu'il pouvait se vexer de ce qu'on parlât en son absence. Iakov Titytch, longtemps immobile et silencieux, dit enfin: [...]
(Platonov 1996: 343; Martinez)

Jakov Tityč popošel blíž poslechnout si, o čem je řeč; všichni se na něho podívali a rozpačitě zmlkli, aby se ho nedotkli – všem připadalo, že by se Jakov Tityč mohl urazit, když tady mluvili bez něho. Jakov Tityč jen tak chvílkou postál a potom řekl: [...] (Platonov 1995: 340; Nováková)

⁶ Говоря о семантической категории временной локализованности, Бондарко (1987: 210) различает два противоположных друг другу значения:

- 1) конкретность, определенность местоположения действия и ситуации в целом в одностороннем течении времени, прикрепленность к какому-то одному моменту или периоду;
- 2) неконкретность, неопределенность (в указанном смысле), т. е. неограниченная повторяемость, обычность (узуальность) или временная обобщенность (“вневременность”, “всевременность”), при этом обычность действия характеризуется возможной, а временная обобщенность – обязательной сочетаемостью с обобщенностью (генерализацией) субъекта и объекта.

⁷ К понятиям “актуальность” и “эпизодичность” ср. также Hansen (1996: 5-21).

Миметическое у Платона надо понять как восприятие, которое существует само по себе, т. е. без своей противоположности, побуждающей “душу” к познанию настоящего бытия (Государство VII, Platon 1997: 524-525). Оно не ведет ни к знанию (*ἐπιστήμη*) ни к незнанию, но приводит к мнению (*δόξα*), так как может подражать отдельной красивой и правдивой вещи, но не красивому и правдивому как таковому (там же, V, 479). Оно относится к становлению, но не к бытию (там же, VII, 534). Поэтому поэзия для Платона должна быть главным образом диегесисом (III, 396-397).

⁸ Обвиняя писателя в объединении глав своих рассказов “не беспрерывностью художественной ткани, а лишь единством идеи, мировоззрением автора”, Гурвич невольно следит за определением мышления (*διάνοια*) Платоном в ‘Теэтете’: “Герои связаны не своими взаимоотношениями, а отношением к ним автора. [...] все это лишь видимость поведения [т.е. не мимесис – Р.Х.], все это лишь форма беспрерывного самосозерцания” (Гурвич 1937: 229).

⁹ Ср. Платон (1989: 156), ‘Теэтет’: “Если душа думает, то это лишь разговор, который она ведет, задавая самой себе вопросы и отвечая на них, положительно или отрицательно.”

Mørch (1998: 270) отмечает, что повесть ‘Происхождение мастера’ “как бы описывает временной путь от эпического прошлого в историческую современность”. Ср. также анализ М. А. Дмитровской

¹⁰ (1990) вневременного настоящего и застывшей длительности в произведениях Платонова.

В окончательном варианте Новакова вычеркнула глагол “появился”:

No okraji starých venkovských měst stávají chatrče, kam lidé přicházejí žít rovnou z přírody. Jako onen muž s bystrou, ale smutnou a pobledlou tváří, který dokázal spravit kdeco, jen vlastní život ne. (Platonov 1995: 7; Nováková)

¹¹ Колебание между единичностью и итеративностью передается в новом, еще не оконченном английском переводе Р. Чандлера. Мы цитируем по рукописи:

Old provincial towns have tumbledown outskirts, and people come straight from nature to live there. A man will appear there, with a keen-eyed face that has been worn out to the point of sadness, a man who can fix up or equip anything but who has lived through his own life unequipped. (Robert and Elizabeth Chandler, 3.10. 1998)

¹² “Себе же он никогда ничего не сделал – ни семьи, ни жилища” (188).

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко, А. В. (ред.)
1987 Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Ленинград.
- Выюгин, В. Ю.
1995 ‘Повесть А. Платонова “Строители страны”. К реконструкции произведения’. (Публ., вступительная статья и комментарий В. Ю. Выюгина). Из творческого наследия русских писателей XX века. М. Шолохов, А. Платонов, Л. Леонов. Санкт-Петербург, 309-390.
- Гринкова, Н. П.
1947 Воронежские диалекты (Докторская диссертация). Ученые записки, том 55. Ленинград.
- Гурвич, А.
1937 ‘Андрей Платонов’. Красная новь, 10, 193-233. Андрей Платонов. Воспоминания современников. Материалы к биографии (Составление, подготовка текстов и примечания Н. В. Корниенко и Е. Д. Шубиной). Москва, 1994, 358-412.